

НАКЛАДНАЯ №777

Эдуард Подвербный

18+

Эдуард Подвербный
Накладная Номер 777

«Автор»

2026

Подвербный Э. А.

Накладная Номер 777 / Э. А. Подвербный — «Автор», 2026

В Тайгорске утро начинается со звука лесопилки. Этот гул — пульс города, где одно предприятие значит всё: работу, хлеб, смысл. Андрей Громов, начальник предприятия, честно держит смены пятнадцать лет. Но когда на складе случается подозрительный пожар, новые хозяева предлагают подписать липовый акт списания. Андрей отказывается. Тогда начинается травля: угрозы под дворником, слежка, подброшенные деньги, отстранение. Но в кабинете директора он находит накладную с номером 777 — бумагу, которая доказывает схему: лес незаконно вывозят ночью, а «пожар» нужен только для списания. Выбор прост: сломаться — или идти против бандитов в погонах, продажного мэра и криминала. «Накладная 777» — суровый детектив о том, как правда не спасает, а защищают только те, кто готов сказать её вслух и выдержать последствия.

© Подвербный Э. А., 2026

© Автор, 2026

Эдуард Подвербный Накладная Номер 777

В Тайгорске утро начиналось не со света, а со звука. В шесть ноль-ноль лесопилка вздымалась, как живой зверь: сначала тонко, будто проверяла голос, потом ниже, шире, так что дрожали стекла в кухнях и в автобусной остановке с облупленной надписью. Гул расходился по городу кольцами, как по воде, и люди под него просыпались быстрее, чем под будильники.

Андрей Громов проснулся ещё до этого гула. Он всегда просыпался раньше, будто боялся, что станки пойдут без него. На кухне пахло вчерашним чаем и свежим хлебом, который Елена купила вечером “на всякий”. За окном, в сером предраассвете, стояла тайга, близкая и равнодушная, как стена.

Елена спала на боку, поджав колени, и Андрей на секунду задержал взгляд на её лице. В последние месяцы она стала спать чутко: любой звук — и она будто на секунду выпадала из сна в тревогу. Он знал, что это из-за него. Из-за того, что он приносил домой не разговоры, а остаточный шум смены, запах мазута на куртке и “потом расскажу”.

Он оделся тихо. Накинул рабочую куртку, в кармане нащупал ключи, пачку сигарет и телефон. В прихожей, у зеркала, висела Лизина школьная куртка; на ней — небольшая нашивка с фотоаппаратом, которую дочь пришила сама. Лиза любила фотографировать всё подряд: снег на проводах, ржавые лесовозы на окраине, собственные следы на свежем насте. Андрей иногда ругал её за это, а потом ловил себя на том, что ему приятно: ребёнок видит в Тайгорске не только тупик.

На улице мороз был не злым, а деловым. Такой мороз не пугает — он просто сразу забирает воздух, чтобы ты не тратила его зря. Андрей сел в машину, привычно повернул ключ. Двигатель кашлянул и завёлся с третьего раза. На лобовом стекле, в нижнем углу, внутри салона, лежала старая щётка для снега, а рядом — стопка бумаг в папке. Он не открывал её дома. Дома он старался не открывать ничего, кроме холодильника.

Дорога до “Тайга-Лес” занимала десять минут, если не считать обязательной остановки у перекрёстка с единственным светофором, который давно работал “как получится”. Андрей притормозил у администрации. На здании висели часы, стрелки которых остановились много лет назад — их никто не чинил, и в этом было что-то слишком точное: время в Тайгорске текло по своим правилам, не по городским.

У ворот лесопилки охранник кивнул. Андрей ответил тем же и сразу почувствовал, что что-то не так. Не по словам. По глазам. По тому, как охранник отвёл взгляд и слишком быстро спрятал руки в карманы.

На территории пахло опилками и дымом. Дым — не обычный, не тот, что всегда висел над трубами, а другой: тонкий, кислый, будто горела не древесина, а что-то с примесью пластика. Андрей остановился, поднял голову. Над дальним складом, у старого цеха, вился серый след, почти невидимый на фоне неба.

Он пошёл туда быстрым шагом. Снег под ботинками скрипел так громко, будто хотел выдать его раньше времени.

У склада стояли двое рабочих, курили, не глядя друг на друга. На снегу виднелись следы пожарной машины — широкие, с провалами, будто она ехала тяжело и неохотно.

Витёк Соколов, бригадир, вышел навстречу, затягивая ремень на ватнике. Его лицо было красным от мороза и от недосыпа, но глаза — живые, привычно насмешливые.

“Ну что, начальник, доброе утро,” сказал он и тут же добавил тише: “Склад третий прихватило ночью. Не сильно, но красиво. Как по учебнику.”

“Кто первый увидел?” спросил Андрей.

“Сергей на посту. Запах учуял, поднял тревогу. Приехали быстро, залили. Внутри обуглило угол, где тара и обрезь. Основной штабель не тронули.”

Андрей подошёл к воротам склада. Дверь была приоткрыта, из щели тянуло мокрым дымом. Внутри пахло водой, гарью и железом. На полу — лужи, сверху — чёрные капли. В одном углу стены была свежая темнота, как синяк.

Он присел, провёл пальцем по обугленному дереву. Оно крошилось легко. Не так горит дерево, если от случайной искры. Случайная искра редко выбирает место, где стоит именно тара и именно в самом удобном углу, где огонь видно не сразу, а дым идёт ровно.

“Проводка?” спросил Андрей.

Витёк пожал плечами, как человек, который много раз слышал удобные версии.

“Проводка, да. А что ещё. Тут же всё старое. Ты сам знаешь.”

Андрей знал. Он знал, что часть проводки меняли два года назад. И знал, что в этом углу проводка как раз была новая. Он поднялся, отряхнул руки.

“Кто оформляет акт?” спросил он.

Витёк скривился.

“Сверху уже шевелятся. Сказали: ты к девяти — в офис. К хозяину.”

Слово “хозяин” Андрей всё ещё не принимал. Для него лесопилка была не “объектом”, а жизнью города, и начальник здесь был не хозяином, а тем, кто отвечает за людей. Пятнадцать лет он держал графики, решал конфликты, вытаскивал смены из срывов, ругался из-за касок и ремней безопасности, и каждый раз слышал одно и то же: “Да ладно, Андреич, пронесёт”. Он заставлял не “пронесёт”. Он делал так, чтобы люди возвращались домой живыми.

Новые владельцы пришли так же, как приходит зимний ветер: без предупреждения, но с документами. Они поменяли вывеску в офисе, поставили пару новых станков и привезли Кирилла Зарубина — человека, который улыбался так, будто улыбка была частью договора.

В девять Андрей вошёл в административный корпус. В коридоре пахло не опилками, а свежим ремонтом: дешёвой краской и пластиком. Это тоже раздражало. В этом запахе не было работы.

Секретарь Зарубина подняла на него взгляд и сразу опустила.

“Он ждёт,” сказала она, не называя имени, будто имени не было.

Кабинет Зарубина был слишком тёплым. Тепло ударило в лицо, как на вокзале. На столе стояла кофемашина, которой здесь никогда раньше не было. У окна — кожаное кресло, и на подоконнике аккуратно лежала папка с бумагами. Андрей почему-то отметил: папка лежит так, будто её только что положили, чтобы она оказалась именно в поле зрения.

Зарубин стоял у окна, спиной к Андрею, и смотрел на территорию лесопилки как на карту, где вместо людей — цифры.

“Андрей Викторович,” сказал он, не оборачиваясь, “у вас ночь была богатая.”

“Богатая бывает у тех, кто не тушит,” ответил Андрей. Он старался говорить ровно. В этой комнате любая эмоция выглядела слабостью.

Зарубин повернулся. Он был ухожен так, как в Тайгорске не бывает по умолчанию: чистая обувь, ровная стрижка, дорогие часы без демонстрации. Он улыбнулся, как будто они обсуждают не пожар, а погоду.

“Склад третий. Пожарные. Убытки. У нас должна быть бумага. Сегодня,” сказал Зарубин и указал на папку. “Подпишите.”

Андрей подошёл, открыл. Внутри лежал акт списания. Уже заполненный. С формулировками, которые Андрей узнавал по чужой руке: “утрачено в результате возгорания”, “невозможно восстановить”, “подлежит списанию”.

Он пролистал ниже и остановился на цифрах. Объём списания был такой, будто сгорел не угол с тарой и обрезью, а половина склада.

Андрей поднял глаза.

“Это не соответствует факту,” сказал он. “Штабель цел. Потери небольшие. Можно пере- считать по остаткам.”

Зарубин не моргнул. Он сел в кресло, положил руки на подлокотники.

“Вы хотите устраивать инвентаризацию?” спросил он так, будто это что-то неприличное. “Андрей Викторович, вы опытный человек. Вы же понимаете, как это работает. Бумага закрывает вопрос, вопрос закрывает лишние вопросы.”

“Бумага должна соответствовать реальности,” сказал Андрей.

“Реальность,” повторил Зарубин и чуть наклонил голову. “Реальность в том, что у вас город висит на одном предприятии. Вы это любите повторять. Так вот, предприятие должно выжить. А вы мне мешаете.”

Фраза прозвучала спокойно, даже мягко. Но в ней было что-то, от чего Андрей почувствовал, как напряжение собирается в плечах.

“Я вам не мешаю,” сказал он. “Я отвечаю за производство и за людей. Если мы начнём списывать воздух, завтра вы потребуете списывать людей.”

Зарубин улыбнулся шире, будто ему понравилась формулировка.

“Люди — это расходы,” сказал он без грубости. “Но вы правы: вы отвечаете. Поэтому подпишите.”

Андрей закрыл папку.

“Нет,” сказал он.

В кабинете повисла тишина, в которой было слышно, как работает батарея. Зарубин не изменился в лице. Только его взгляд стал чуть холоднее, как вода под льдом.

“Вы уверены?” спросил он.

“Уверен.”

Зарубин поднялся, подошёл к столу ближе. Теперь они стояли почти рядом. Зарубин говорил так же тихо, но в его тоне появилось что-то личное, как будто он решил перейти из “бизнеса” в “человека”.

“Вы гордитесь собой, Андрей Викторович. Это нормально. Тайгорск любит сильных. Но сила иногда проявляется в том, чтобы сделать шаг в сторону,” сказал он. “Я предлагаю вам шаг вверх. Вы же не всю жизнь собираетесь быть человеком, который спорит из-за бумажки?”

“Из-за бумажки,” повторил Андрей. “Это не бумажка. Это документ.”

“Хорошо. Документ,” согласился Зарубин. “Тогда давайте так. Вы подпишете, и я забуду некоторые вещи. Например, старую историю... лет восемь назад. Когда один парень на ленточной пилораме остался без пальцев.»

У Андрея внутри будто кто-то резко потянул ремень. Он не отступил, не поднял голоса, но в груди стало тесно, как в цеху, когда закрывают ворота и воздух перестаёт ходить.

Зарубин смотрел прямо, без привычной улыбки, и в этом взгляде было не злорадство — расчёт. Будто он доставал не угрозу, а нужный инструмент.

«Вы тогда сделали всё, чтобы предприятие не остановили,» продолжил Зарубин. «Сохранили работу людям. Хороший поступок. Только документы там... интересные. Если их под- нять, можно долго разговаривать. С комиссией. С прокуратурой. С прессой. В 2020-е это быстро.»

Андрей почувствовал, как напряглась челюсть. Он помнил ту историю слишком подробно, чтобы спорить. Помнил не бумагу, а кровь на деревянном настиле, белое лицо парня и то, как цех замер, будто станки тоже испугались. Тогда Андрей сделал выбор, который в Тай- горске называют взрослым: не развалить предприятие, не оставить людей без зарплат. А потом много лет убеждал себя, что это был единственный вариант.

«Вы копались в моём прошлом?» спросил он тихо.

«Я копаюсь во всём, что влияет на управление,» ответил Зарубин. «Это моя работа.»

Он снова кивнул на папку.

«Подпишите акт. И мы оба продолжим жить спокойно.»

«Спокойно?» Андрей сам услышал в своём голосе усталость, которую обычно прятал от рабочих. «Вы называете спокойствием то, что сгорело ночью?»

Зарубин выдержал паузу, будто решал, стоит ли говорить вслух следующую мысль.

«Ночью горят не склады,» сказал он. «Ночью горят границы. Кто-то проверяет, кто здесь главный.»

Андрей посмотрел на папку. На цифры. На пустое место для подписи. Всё уже было заполнено так, будто его мнения не существовало. Ему оставили только роль — стать соучастником и расписаться под чужой версией реальности.

Он представил Елену на кухне, Лизину куртку в прихожей, дом, в котором ещё оставалось тепло, пока снаружи собирался холод другого рода.

«Я не подпишу,» сказал он.

Слова прозвучали ровно, почти буднично. Как “смена началась”. Но Андрей почувствовал, что с этими словами он окончательно вышел из привычной жизни, где всё решалось мастерством и дисциплиной.

Зарубин кивнул, словно ожидал именно этого.

«Тогда подпишет кто-то другой,» сказал он. «И этот кто-то будет директором. А вы будете человеком, который мешал. В маленьких городах таких быстро делают виноватыми. Вы же знаете.»

Андрей молча закрыл папку и положил её обратно на стол — не швырнул, не ударил, просто вернул на место. Ему важно было не дать Зарубину удовольствия увидеть эмоцию.

«Я всё равно проведу инвентаризацию по складу,» сказал он. «По факту.»

Зарубин не остановил его. Только добавил, уже почти буднично, как напоминание про гололёд:

«Подумайте о семье, Андрей Викторович. Здесь у всех есть семьи. Поэтому люди умеют быть разумными.»

Когда Андрей вышел в коридор, тепло кабинета осталось за спиной, а внутри наоборот стало холоднее. Он прошёл мимо секретаря, которая подняла глаза и тут же отвела, словно боялась запомниться. Прошёл мимо нового плаката про “эффективность” и “оптимизацию”, и ему захотелось сорвать его, смять, бросить в урну — но он только сжал кулак в кармане.

На улице мороз ударил честно, без намёков. Андрей вдохнул воздух, пахнувший дымом и опилками, и посмотрел в сторону третьего склада. Дым уже почти рассеялся, но запах держался упрямо, как ложь, которую однажды сказали и теперь вынуждены поддерживать.

Он быстрым шагом пошёл через территорию. По пути ему попадались люди, которые обычно здоровались громко и уверенно, а сегодня кивали осторожно, будто за каждым “здоровствуйте” могло последовать “а ты на чьей стороне”.

У проходной он увидел Сергея, того самого охранника, который поднял тревогу ночью. Сергей стоял у будки и делал вид, что проверяет журнал, но пальцы у него дрожали.

«Сергей,» окликнул Андрей.

Тот вздрогнул и слишком быстро выпрямился.

«Да, Андрей Викторович.»

«Что именно ты почувствовал ночью? Запах? Шум?»

Сергей сглотнул.

«Запах, сначала. Как... не древесина. Как будто... проводка. Или пластик. Я вышел, посмотрел — у третьего склада дымок. Я по рации...»

«Ты кого-то видел?» перебил Андрей.

Сергей на секунду замялся. Это было даже не молчание — пауза, в которой человек решает, жить ему дальше спокойно или правильно.

«Нет,» сказал он наконец. И добавил, слишком поспешно: «Темно было. Снег. Никого.»

Андрей посмотрел на него пристально, но без давления.

«Журнал за ночь покажи.»

Сергей протянул потрёпанную тетрадь. Записи были аккуратные, в привычном стиле: обходы, отметки времени, “без происшествий”. Андрей перелистнул назад. И заметил странное: одна страница была чуть-чуть надорвана в корешке, будто её пытались вырвать и потом передумали. На ней не было записей, только след от ручки — продавленное, но не написанное.

«Это что?» спросил Андрей.

Сергей пожал плечами, слишком резко.

«Не знаю. Может, зацепилось.»

Андрей ничего не сказал. Вернул тетрадь.

«Ладно. Иди работай. И...» Он хотел сказать “будь осторожен”, но понял, что это прозвучит как признание того, что опасность реальна. «И держи связь. Не пропадай с рации.»

Сергей кивнул и быстро отвернулся, будто разговор закончился не из-за слов, а из-за страха.

Андрей пошёл дальше, к складу. Витёк уже ждал у ворот, вместе с кладовщиком Пахомычем — стариком с серыми бровями и лицом, как кора.

«Начальник, чего надумал?» спросил Витёк.

«Считаем,» коротко ответил Андрей. «По остаткам. По штабелям. По факту.»

Пахомыч фыркнул.

«По факту-то можно. Только кому он нужен, факт, если бумага уже готовая?»

Андрей посмотрел на него.

«Мне нужен.»

Они вошли внутрь. Вода на полу уже подмерзала. В углу темнел обугленный участок, но основной штабель действительно стоял целый, плотный, как стенка. Андрей прошёл вдоль, проверяя маркировку. Обычно он не лазил в складские тонкости — доверял людям. Но сейчас доверие стало роскошью.

Пахомыч называл цифры, Витёк записывал, Андрей сверял по меткам и по визуальному объёму. Несовпадение проявилось не сразу, а как трещина в льду: сначала маленькая, потом ясная.

«Пахомыч,» сказал Андрей, «по твоим словам здесь должно быть на двадцать процентов меньше. А по факту — почти всё на месте.»

Пахомыч развёл руками, но глаза у него бегали.

«Так я ж и говорю: почти всё. Угол горел. Тара. Обрезь...»

«В акте списания не тара и обрезь,» спокойно сказал Андрей. «В акте — кубометры. Большие кубометры.»

Витёк остановился, перестал писать.

«Ты чего, Андреич...» начал он и осёкся, потому что понял: Андрей не “цепляется”. Андрей увидел схему.

Андрей посмотрел на штабель ещё раз и вдруг понял, зачем им нужен этот акт. Не чтобы закрыть пожар. Пожар был поводом. Им нужно было официальное “исчезновение” объёма, который на самом деле уедет отсюда ночью, тихо, по дороге в тайгу.

Он почувствовал, как в кармане завибрировал телефон. Сообщение. Номер был неизвестный.

Текст был короткий, без приветствий:

«Не геройствуй. Ты не один.»

Андрей прочитал и не показал никому. Только убрал телефон обратно и посмотрел на выход из склада, на белую полосу света в дверях.

Ему стало ясно: это уже не спор с начальством. Это игра, где правила пишут те, кто не боится ломать людей.

И всё равно он подумал только одно:

Если они уже начали предупреждать, значит, он уже близко.

Андрей дождался, пока Витёк снова начнёт дышать, как обычно, и сказал ровно:

«Мне нужно, чтобы вы оба сейчас сделали вид, что ничего не нашли. Пахомыч, ты понял?»

Пахомыч поднял на него глаза, в которых было одновременно упрямство старика и усталость человека, которого слишком долго учили молчать.

«Я-то понял. А ты понял, Андрюша, что у нас тут не бухгалтерия, а...»

Он не договорил. Витёк кашлянул, будто хотел заглушить слово, которое могло стать опасным.

Андрей не спорил. Спорить было бесполезно.

«Я понял. Поэтому и прошу. Вы сейчас выходите и говорите всем, что пожар мелкий, потери мелкие, работы много. Никаких разговоров, никаких шёпотов. Особенно при охране.»

Витёк сжал губы.

«А мне что говорить, если спросят, почему ты тут сам лазил?»

Андрей коротко выдохнул.

«Скажи, что я нервничаю из-за техники безопасности. Из-за отчётов. Из-за чего угодно. Это никого не удивит.»

Витёк кивнул, но взгляд у него был тяжёлый. Он хотел быть “за своих”, но не хотел быть первым, кто полезет на нож.

Когда они вышли из склада, Андрей задержался на секунду в дверях. Белый свет снаружи резал глаза, и ему показалось, что по территории кто-то идёт слишком уверенно, слишком прямо — не рабочий, не охранник, а человек, которому не надо объяснять, что он здесь делает.

Он пошёл к диспетчерской. Там всегда было тепло, пыльно и шумно от рации. На стене висели карты вырубок, сменные графики и телефоны, которые держали на скотче, потому что иначе падали. Диспетчер Валя подняла на него глаза и тут же потянулась к кружке, будто это могло спрятать её лицо.

«Валя, журналы отгрузки за последние две недели,» сказал Андрей. «И отдельно за ночь.»

Она замерла на секунду.

«Андрей Викторович... это же в бухгалтерии...»

«Я сказал — журналы. Те, что у тебя. Путевые листы, время выезда, номера машин.»

Валя посмотрела в сторону двери, как будто там кто-то мог услышать, и чуть тише сказала:

«После того как Зарубин приехал, часть журналов забирают в офис. Говорят, “централизация”. Мы тут только сменные отметки держим.»

«Кто забирает?» спросил Андрей.

Валя пожала плечами.

«Охрана иногда. Иногда Саша...» Она запнулась.

«Какой Саша?» Андрей почувствовал, как внутри снова натянулось.

Валя быстро заговорила, будто решила, что лучше сказать всё сразу и больше не возвращаться:

«Саша Климов. Зам по снабжению. Он стал тут часто ходить. Говорит, распоряжение владельца.»

Андрей кивнул. Имя он запомнил не потому, что Климов был важным, а потому что в таких историях всегда появляется человек, который “просто выполнял распоряжение”.

«Что есть у тебя за ночь?» спросил Андрей.

Валя открыла ящик, достала тетрадь. На вид обычная, как все их тетради: клетка, синие записи, в углу жирное пятно от чая.

Андрей пролистал. Время обходов, смены, короткие отметки. И одна строчка, на которую он сразу залип взглядом: выезд лесовоза в 02:17. Не в сторону основной трассы, а по “технической дороге” к северной просеке.

Он поднял глаза.

«Куда он пошёл?» спросил он.

Валя облизнула губы.

«Там... объезд. Зимой иногда гоняют, чтобы не ломать мостик на реке. Андрей Викторович, вы же знаете, этот мостик...»

«Я знаю мостик,» сказал Андрей. «Я не знаю, почему лесовоз в два ночи уехал по техдороге, когда у нас смена закрыта и пожарные ездят.»

Валя отвела взгляд.

«Мне сказали — записать. Я записала.»

Андрей аккуратно закрыл тетрадь и вернул.

«Валя, слушай внимательно. Если тебя кто-то спросит, я здесь не был. Если кто-то спросит про эту запись — скажешь, что ошиблась временем. Поняла?»

Она вздрогнула.

«Это же...»

«Поняла?» повторил Андрей.

Валя кивнула быстро, почти благодарно. Ей было легче, когда ей говорили, что делать, потому что тогда ответственность можно было положить на чужие плечи.

Андрей вышел, но вместо цехов пошёл к зданию охраны, где стояли мониторы камер. Он шёл спокойным шагом, чтобы не выглядеть человеком, который спешит спасти свою жизнь.

В комнате охраны пахло потом, дешёвым кофе и табаком, который тут курили “тихо”. На стене висели экраны. Дежурный смотрел на него с настороженной вежливостью.

«Камеры по третьему складу покажи. С двух до трёх,» сказал Андрей.

Дежурный моргнул.

«Андрей Викторович, это... это у начальства. Доступ ограничили.»

«Кто ограничил?» спросил Андрей.

Дежурный промолчал, потом сказал очень быстро:

«Климов сказал. И Зарубин. Сказали, теперь всё через них.»

Андрей посмотрел на мониторы. На одном из экранов картинка дёрнулась и застыла. На другом была территория у офисного корпуса. На третьем — ворота. А третий склад... третий склад не показывал ничего. Чёрный прямоугольник, будто кто-то заклеил объектив изнутри.

«Почему этот канал мёртвый?» спросил Андрей.

Дежурный пожал плечами, но в его движении было что-то слишком отработанное.

«Проводка. После пожара. Разберёмся.»

Андрей кивнул, как будто поверил. Он понял простое: ночью здесь можно было делать всё, что угодно, и потом “проводка” объяснит любые вопросы.

Он вышел на улицу и остановился на секунду, чтобы собраться. Таёжный воздух был холодный, но честный. Он думал о смс: “Ты не один”. Думал о том, кто это написал. Это мог быть кто угодно. Это мог быть и “свой”, и тот, кто просто хотел, чтобы Андрей начал оглядываться чаще и медленнее ходить.

Телефон снова завибрировал. На этот раз звонила Елена.

Андрей посмотрел на экран и вдруг поймал себя на том, что не хочет брать трубку. Потому что если он возьмёт, ему придётся говорить правду. А правда в таких местах делает людей не ближе, а дальше: она приносит страх в дом.

Он всё же ответил.

«Да, Лен.»

«У вас что там?» её голос был напряжённый, как струна. «Мне Михалыч из магазина сказал, что ночью пожарные сирены были. Андрей, что происходит?»

Он помолчал долю секунды, выбирая слова.

«Ничего страшного. Угол склада зацепило. Потушили.»

«Ты уверен?» она говорила быстрее, чем обычно. «Ты голосом... Андрей, ты опять туда полез?»

Он понял, что она говорит не о складе. Она говорит о его привычке не отступать.

«Я на работе, Лен. Всё под контролем.»

«Под контролем?» в её голосе появилась та самая злость, которая всегда растёт из бессилия. «У тебя всё под контролем ровно до тех пор, пока это не приходит к нам домой. Ты обещал...»

Он перебил мягко, но твёрдо:

«Я перезвоню. Лиза в школе?»

Елена замолчала на секунду, и Андрей почувствовал, как по спине прошёл холод.

«Она ещё дома. Сказала, у них первая пара отменили, потому что учительница не доехала. Андрей...»

«Пусть никуда одна не идёт,» сказал он, и сам услышал, как это прозвучало. Слишком резко. Слишком не по-бытовому. «Пусть ждёт тебя или пусть ты её отвезёшь. Я понял?»

Елена молчала, потом очень тихо сказала:

«Ты мне сейчас скажешь, что происходит по-настоящему?»

Андрей посмотрел на территорию лесопилки. На дым, который уже почти исчез, но не исчезал из головы. На людей, которые ходили мимо, стараясь не смотреть в глаза.

«Вечером,» сказал он. «Я всё расскажу вечером. Просто сделай, как я сказал.»

Он отключился и на секунду сжал телефон так, будто мог раздавить этим жестом всё, что надвигалось на его дом.

Потом повернулся и пошёл обратно к офисному корпусу. Не к Зарубину. К архивной комнате, куда редко кто заглядывал днём.

Ему нужна была одна вещь: понять, с какого момента цифры на бумаге начали жить своей жизнью. И кто первым решил, что их можно списывать так же легко, как обрезать в угол третьего склада.

Архивная комната была в конце коридора, за дверью с облупленной табличкой “Хозчасть”, которую никто не менял лет десять. Так в Тайгорске всегда: по бумагам одно, по факту другое. Андрей достал связку ключей. Руки у него были спокойные, но внутри всё работало на повышенных оборотах, как станок, которому не дают остановиться.

Ключ вошёл не сразу. Замок будто сопротивлялся. Андрей чуть повернул сильнее — щёлкнуло.

Внутри пахло пылью, старой бумагой и сыростью, которая в этих местах держалась круглый год. Полки стояли вплотную, коробки с наклейками “2017”, “2018”, “2019”. У стены — металлический шкаф, который раньше был всегда закрыт на два замка, а теперь на одном висел новый, блестящий, явно недавний.

Андрей прошёл между стеллажами и сразу увидел: кто-то здесь был сегодня. Не вчера, не неделю назад. Пыль на верхнем ребре одной коробки была сдвинута, словно по ней провели рукавом. На полу, у шкафа, лежала крошка от бумаги — мелкая, как стружка, только белая.

Он опустил на корточки и взял её пальцами. Бумага была свежая, не пожелтевшая. Значит, порвали что-то новое.

Андрей поднялся и потянул одну из коробок с наклейкой “Отгрузка. Январь”. Внутри должны были быть копии накладных и путевые листы. Он вытащил папку, пролистал. В середине был разрыв, будто кто-то выдрал несколько листов аккуратно, по линии скрепки, чтобы не оставить “рваного” края.

Он вернул папку и стоял, слушая тишину. В этой тишине ему вдруг стало ясно: против него не “хаос”. Против него порядок. Чужой порядок, где всё заранее продумано.

Дверь сзади скрипнула.

Андрей обернулся резко.

В проёме стоял Саша Климов. Зам по снабжению, молодой, гладкий, из тех, кто всегда пахнет не работой, а парфюмом и машиной с подогревом. Климов улыбался, но улыбка у него была осторожная.

“Андрей Викторович,” сказал он, будто они случайно встретились у магазина. “Вы тут что делаете?”

“Работаю,” ответил Андрей. “Это мой архив.”

Климов поднял ладони, как человек, который не хочет конфликта.

“Да я не против. Просто... теперь часть документов хранится иначе. У нас новый порядок. Централизация.”

“Кто решил?” спросил Андрей.

“Собственник,” легко ответил Климов. “И бухгалтерия в курсе. И охрана.”

Андрей посмотрел на него.

“Ты выдёргивал листы?” спросил он прямо.

У Климова на секунду дрогнули веки. Он быстро восстановил лицо.

“Какие листы? Андрей Викторович, вы чего. Я вообще сюда редко захожу.”

“А зачем тогда пришёл сейчас?” Андрей не повышал голос. Он просто не отпускал вопрос.

Климов чуть наклонил голову, изображая терпение.

“Я увидел, что вы сюда зашли. Мне сообщили. Я подумал, может, вам помочь найти то, что вы ищете,” сказал он и добавил мягче: “Понимаете, сейчас нервное время. Проверки могут быть. Не хочется, чтобы вы... лишнего на себя взяли.”

“Мне не надо помогать,” сказал Андрей. “Мне надо, чтобы документы были на месте.”

Климов сделал шаг внутрь и посмотрел на шкаф с новым замком.

“Вот туда сейчас доступ ограничен,” сказал он. “Там бумаги, которые идут в головной офис. Зарубин просил, чтобы никто не трогал.”

Андрей усмехнулся коротко, без радости.

“Это не головной офис,” сказал он. “Это Тайгорск. Здесь головной офис — вот эти полки.”

Климов пожал плечами, как человек, который заранее выиграл спор, потому что спорить не надо.

“Я передам, что вы интересовались,” сказал он. И в этой фразе было главное: не “помогу”, а “передам”.

Андрей не двинулся.

“Передавай,” сказал он. “Только без фантазий. Я интересовался тем, что с третьим складом хотят списать полсклада.”

Климов улыбнулся уже холоднее.

“Андрей Викторович, вы же опытный. Всё делается по процедуре.”

“По процедуре у нас люди в два ночи лесовозы гоняют?” Андрей смотрел ему в лицо. “И камеры в этот момент слепнут?”

На секунду Климов замер, будто его укусили. Потом он быстро выдохнул, будто решил, что откровенность безопаснее.

“Вы слишком много знаете,” сказал он почти шутливо. “Давайте без героизма. Вы же понимаете, кто сейчас принимает решения.”

“Я понимаю,” сказал Андрей.

Климов остановился в дверях и, уже уходя, бросил небрежно:

“И ещё. Зарубин просил сказать, что ждёт вас после обеда. Разговор будет короткий.”

Дверь закрылась, и в архивной комнате снова стало тихо. Андрей стоял, пока шаги Климова не исчезли окончательно. Потом подошёл к шкафу с новым замком. Потрогал его. Замок был хороший, не из местных.

Он вернулся к полкам и продолжил искать не то, что “нужно по регламенту”, а то, что забывают спрятать в спешке. В одной из коробок, между старыми актами, он заметил тонкую стопку свежих листов, будто её сунули “на минуту” и забыли. На верхнем листе стоял штамп с номером, который сразу резанул глаз — слишком ровный, слишком чужой среди обычных “№ 15”, “№ 23”.

777.

Андрей взял лист в руки. Бумага была чистая, белая, без привычной желтизны, как будто её распечатали вчера. Вверху шапка, ниже строки с объёмами, пунктами отгрузки, подписи. Он пробежал глазами цифры и почувствовал, как неприятно холодеет под ребрами.

Объём стоял больше, чем мог быть по складу. Не “чуть-чуть”. На треть больше. И дата — ближайшая ночь.

Он поднял лист ближе к свету. В одном из углов был ещё один маленький штамп, почти незаметный, как внутренняя отметка: “контроль”.

Андрей осторожно положил бумагу обратно, как будто она могла обжечь. Ему очень хотелось сфотографировать её прямо сейчас, но он вдруг понял: если здесь уже есть “передают”, то лишний щелчок камеры в коридоре может стать приглашением к неприятностям быстрее, чем он успеет выйти.

Он аккуратно вернул стопку на место так, как она лежала, закрыл коробку и поставил обратно. Потом вышел из архивной комнаты и запер дверь. Ключ повернулся туго, словно архив тоже сопротивлялся.

В коридоре он остановился у окна. Внизу шли люди, обычная смена, обычные лица. Тайгорск жил, пока не знал, что его уже переписывают на бумаге.

Андрей достал телефон. Пальцы сами набрали номер Елены, но он не нажал “вызов”. Он вместо этого открыл заметки и набрал одно слово, чтобы не забыть и чтобы не держать в голове, как занозу: 777.

Потом убрал телефон и пошёл вниз, к цехам. Ему нужно было закончить смену так, будто ничего не происходит. Потому что, если он даст им понять, что нашёл “их” документ, следующая ночь может стать не про склад и не про бумагу.

Следующая ночь может стать про дом.

Андрей прошёл через двор лесопилки так, будто у него обычный день. В Тайгорске это было почти профессиональным навыком: делать вид, что всё нормально, пока внутри что-то уже трещит и расходится.

В цеху стоял привычный гул. Станки брали древесину без эмоций, ровно, как берут годы. Воздух был густой от мелкой пыли, она садилась на ресницы и на губы, и Андрей машинально провёл рукой по лицу, будто мог стереть вместе с опилками и лишние мысли.

Мастера подходили по одному, с короткими вопросами, которые в другое утро решались бы автоматически: где ремни, когда придёт подшипник, почему снова задержка по смазке. Андрей отвечал ровно, даже чуть жёстче, чем обычно, чтобы не дать никому повода увидеть, что он не в форме. Если начальник “плывёт”, цех это чувствует быстрее любого слуха.

Витёк нагнал его у стола мастера, когда Андрей проверял сменный журнал.

«Ну?» спросил Витёк, не называя ничего прямо.

Андрей не поднял головы.

«Ничего. Работаем,» сказал он. «И рот держим закрытым. Особенно сегодня.»

Витёк сжал губы.

«Ты думаешь, это поджог был?»

Андрей наконец посмотрел на него.

«Я думаю, что ночью кто-то уезжал по техдороге, камеры “ослепли”, а теперь хотят спить больше, чем сгорело. Дальше думай сам.»

Витёк отступил на шаг, будто Андрей сказал лишнее.

«Андреич...» начал он и осёкся. Потом выдохнул. «Слушай, ты только не делай один. У нас тут...»

«У нас тут семьи,» тихо сказал Андрей, повторяя фразу Зарубина так, что Витёк сразу понял, откуда она. «Вот именно поэтому я и не буду делать дурных движений на глазах.»

Витёк кивнул, но в его взгляде мелькнуло то, что Андрей видел много раз у рабочих: желание помочь и страх остаться крайним.

К обеду по территории пошёл слух о “проверках”. Слово это в Тайгорске работало как простуда: никто точно не знает, откуда пришло, но через час болеют уже все. Люди стали чаще смотреть на телефоны, чаще выходить курить, чаще молчать там, где обычно болтали.

Андрей ловил эти признаки боковым зрением и чувствовал, как кто-то незримо регулирует настроение смены. Не криком. Не приказом. Просто правильной дозой напряжения.

В половине второго ему снова передали, что Зарубин ждёт. Передали через секретаря. Через охранника. Через Климова, который как будто случайно оказался рядом и сказал с лёгкой улыбкой:

«Ну что, Андрей Викторович. Сходим, чтобы не затягивать?»

«Сходим,» ответил Андрей.

Они шли по коридору офисного корпуса рядом, и Андрей отчётливо слышал, как Климов дышит. Неровно. Слишком глубоко для человека, который “просто выполняет распоряжения”.

У двери кабинета Зарубина Климов чуть замедлил шаг и сказал почти шёпотом:

«Вам правда это надо?»

Андрей посмотрел на него.

«Мне надо, чтобы у нас не воровали,» сказал он.

Климов отвёл глаза и больше ничего не сказал. Только постучал и, не дожидаясь ответа, приоткрыл дверь.

В кабинете было так же тепло, как утром. Зарубин сидел за столом, перед ним стояла другая папка, уже толще, и рядом — чашка кофе. Он посмотрел на Андрея так, будто между ними не было конфликта, а была деловая рутина.

«Андрей Викторович. Присаживайтесь,» сказал он. «Как цех?»

«Работает,» ответил Андрей и не сел. Ему важно было не занимать позицию “подчинённого”, даже телом.

Зарубин кивнул, как будто оценил упрямство.

«Я уважаю людей, которые держат производство,» сказал он. «Поэтому говорю прямо. Сегодня до конца дня мне нужен подписанный акт по пожару. Иначе мы с вами будем оформлять другое. Ваше увольнение. С формулировками, которые вам не понравятся.»

Андрей молчал.

Зарубин чуть наклонился вперёд.

«Я не враг вам, Андрей Викторович. Я вам предлагаю нормальный компромисс. Вы подписываете. Я, в свою очередь, подписываю вам допсоглашение. Повышение. Премия. Фактически вы становитесь моим первым человеком здесь.»

«А я фактически становлюсь тем, кто это покрывает,» сказал Андрей.

Зарубин улыбнулся, но улыбка была холодной.

«Вы всё переводите в мораль. А я перевожу в реальность. Реальность такая: город без лесопилки не живёт. Вы сами об этом говорили. Значит, лесопилка должна жить любыми способами.»

Андрей не выдержал и всё же спросил:

«Это вы устроили пожар?»

Климов едва заметно дёрнулся. Зарубин же даже не моргнул.

«Андрей Викторович,» сказал он мягко, «вы задаёте вопросы, которые делают людей одинокими.»

Он сделал паузу и добавил спокойно, как будто сообщает нейтральный факт:

«Лиза сегодня в школу не пошла. Учительница не доехала, да?»

У Андрея внутри всё на секунду оборвалось. Он не подал вида, но пальцы сами сжались.

«Откуда вы знаете?» спросил он.

«Тайгорск маленький,» сказал Зарубин. «И вы здесь не самый незаметный человек. Я же просил: думайте о семье. Я не угрожаю. Я напоминаю, что вы живёте не в вакууме.»

Андрей смотрел на него и впервые ясно увидел: Зарубин не “давит”. Он выстраивает коридор, где любой шаг в сторону будет стоять слишком дорого.

«Я не подпишу ложь,» сказал Андрей.

Зарубин вздохнул, как человек, которому надоело объяснять очевидное.

«Хорошо. Тогда у нас будет другой разговор. Не сегодня. Но скоро,» сказал он. «И совет вам, Андрей Викторович. Не пытайтесь играть в следователя. У вас другая работа.»

Андрей развернулся к двери.

«Моя работа — чтобы лесопилка работала честно,» сказал он.

«Честно?» переспросил Зарубин и чуть поднял брови. «Вы не хуже меня знаете цену этому слову.»

Когда Андрей вышел, Климов не пошёл за ним сразу. Он задержался в кабинете. И это было хуже любого окрика: значит, обсуждение продолжится без Андрея. Значит, решения уже принимают.

На улице Андрей вдохнул морозный воздух и понял, что руки у него ледяные не от холода.

Он дошёл до машины, открыл дверцу, сел, но не завёл двигатель. Несколько секунд просто сидел и смотрел на лобовое стекло, на белесую территорию, на дымящиеся трубы.

Телефон лежал на колене. Он снова открыл заметки и посмотрел на слово “777”. Потом добавил рядом другое, чтобы не забыть суть, только факт: “контрольная”.

И в этот момент он увидел в боковом зеркале, как у будки охраны кто-то стоит слишком долго, не курит, не разговаривает, просто смотрит в его сторону. Лицо не разглядеть. Фигура обычная. Но поза — как у человека, который ждёт, когда ты сделаешь первый неверный шаг.

Андрей завёл машину и поехал, не резко, не быстро, как будто действительно просто уезжает по делам.

Он ещё не знал, что вечером ему придётся смотреть в глаза Елене и выбирать, что страшнее: сказать правду или промолчать.

Дорога домой шла мимо центра, где всё выглядело так, будто город старательно притворяется нормальным. Памятник лесорубам на площади стоял в сугробе по колено, администрация темнела окнами, и остановившиеся часы на фасаде, как всегда, показывали одно и то же время, которое никого не смущало. Рядом у магазина “У Михалыча” курили двое мужиков, переговаривались тихо, и Андрей поймал обрывок фразы: “Склад... ночью... говорят, специально...”

Он проехал мимо, не глядя. В таких местах слухи липнут к тебе, как мокрый снег к ботинкам. Если начнёшь стряхивать — только заметнее будет.

У дома было тихо. Тишина здесь всегда казалась подозрительной: тайга не любит полной тишины, а город не умеет молчать без причины. Андрей заглушил двигатель, посидел секунду, слушая, как остывает мотор, и посмотрел на окна. На кухне горел свет.

Елена открыла дверь почти сразу, будто стояла у глазка.

“Ну?” спросила она вместо приветствия.

От неё пахло домом: тёплой водой, мылом, чем-то печёным. Этот запах обычно успокаивал. Сегодня он раздражал, потому что Андрей вдруг отчётливо понял: всё тёплое легко ломается, если к нему приложить правильную силу.

“Пожар мелкий,” сказал он, снимая куртку. “Потушили.”

Елена не улыбнулась.

“Ты мне по телефону сказал ‘не страшно’, а голос был как перед дракой,” сказала она. “Что у тебя там, Андрей?”

Он прошёл в кухню, поставил ключи на подоконник, как делал всегда. Привычки иногда спасают: они создают иллюзию контроля.

“Работа,” ответил он. “Ничего нового.”

Елена посмотрела на него так, как смотрят на человека, который врёт не из злобы, а из привычки.

“Не надо так,” сказала она тише. “Ты приносишь это сюда. Ты думаешь, что защищаешь нас, когда молчишь. А на самом деле мы просто остаёмся слепыми.”

Из комнаты вышла Лиза. В домашнем свитере, с влажными волосами, на шее болтался ремешок от фотоаппарата.

“Пап,” сказала она, и в голосе было слишком много радости для обычного дня. “Смотри.”

Она протянула телефон. На экране было фото: тёмный грузовик у края территории, снятый издали, в снегу. Качество не идеальное, но видно, что машина стоит не там, где обычно. И рядом — две фигуры, смазанные движением.

“Это когда?” спросил Андрей.

“Ночью,” ответила Лиза, будто рассказывает про интересный фильм. “Я проснулась, в окно посмотрела, там свет фар. И подумала, вдруг красиво получится. Ну, тайга, снег, свет. Я сфотографировала.”

Елена резко повернулась к дочери.

“Лиза, ты что творишь?” голос у неё сорвался. “Зачем ты ночью в окно с телефоном?”

“Мам, да я просто... там было интересно,” Лиза растерялась. “Я же не выходила.”

Андрей смотрел на фото и чувствовал, как по телу проходит холод, не связанный с морозом. Это была не “красивая картинка”. Это было доказательство. И одновременно — опасность в чистом виде.

“Ты это никому не отправляла?” спросил он.

Лиза заморгала.

“Нет. Ну... я подруге хотела, но не успела. У меня интернет дома тупит.”

Елена побледнела и села на табурет, будто ноги перестали держать.

“Андрей,” сказала она, и теперь это было не обвинение, а страх, “что происходит?”

Андрей взял телефон у Лизы, приблизил изображение. Номера не видно. Лица не разобрать. Но главное было видно и без деталей: грузовик стоял как чужой, и люди рядом стояли не так, как стоят рабочие, которые торопятся на смену. Они стояли спокойно, уверенно, как возле своего.

“Лиза,” сказал Андрей мягко, “ты молодец, что не отправила. Но теперь слушай внимательно. Это фото никому. Вообще никому. Даже подруге. Поняла?”

“Поняла,” тихо сказала Лиза, и впервые на её лице мелькнуло понимание, что это не игра.

Елена посмотрела на Андрея.

“Ты хочешь сказать, что из-за твоей работы нам теперь нельзя даже фотографировать из окна?” спросила она. И в этом вопросе было всё: отчаяние, злость, усталость.

Андрей хотел ответить спокойно, но слова застряли. Потому что честный ответ был страшный: да.

Он вернул телефон Лизе.

«Удали», — сказал он.

«Прямо сейчас?» — Лиза нахмурилась.

«Прямо сейчас», — повторил Андрей.

Лиза послушно нажала, удалила. А потом, встретив взгляд отца, открыла «Недавно удалённые». Но замерла.

— Пап... там ещё мамина копия. Она себе скинула, когда я удалить не успела. Я же показывала ей, пока ты в коридоре был.

Андрей на секунду замер, потом кивнул:

— Тогда только своё удали. Мамина копия — это уже не твоя ответственность.

Лиза кивнула и стёрла свой экземпляр, оставив тот, что Елена успела сделать раньше. Елена поднялась, подошла ближе.

“Ты боишься,” сказала она не громко. “Я вижу. Ты боишься, а делаешь вид, что нет.”

Андрей посмотрел на неё и вдруг понял, как он выглядит со стороны: мужчина, который пытается держать дом так же, как держит цех. Только дом не станок. Дом не терпит, когда его “держат” вместо того, чтобы с ним жить.

“Я не хочу, чтобы вы в это лезли,” сказал он.

“Мы уже в этом,” ответила Елена. “Просто ты один знаешь, насколько глубоко.”

В этот момент в прихожей что-то тихо стукнуло. Не громко, почти случайно. Андрей замер.

“Ты слышала?” спросил он.

Елена тоже замерла. Лиза испуганно посмотрела в сторону двери.

Андрей прошёл в прихожую, взял куртку, будто собирается выйти “по мелочи”, и открыл дверь.

Во дворе было пусто. Снег лежал ровно, только у калитки виднелись свежие следы — не детские, не женские. Мужские. Глубокие. И они не проходили мимо. Они подходили к их калитке и уходили обратно к дороге.

Андрей медленно закрыл дверь, не хлопая.

Елена стояла за его спиной.

“Кто это?” спросила она почти шёпотом.

Андрей не ответил сразу. Он подошёл к окну и посмотрел на свою машину. На лобовом стекле, под дворником, торчал белый уголок бумаги.

Он почувствовал, как внутри всё становится очень ясным и очень холодным.

“Не выходи,” сказал он Елене. “С Лизой останьтесь в кухне. Дверь не открывать никому.”

Елена хотела что-то сказать, но он уже натянул ботинки и вышел.

Во дворе мороз сразу схватил лицо. Андрей дошёл до машины, выдернул бумажку из-под дворника и развернул.

Почерк был простой, печатный, будто писали нарочно так, чтобы нельзя было узнать руку.

“Не лезь не в своё. Семья под присмотром.”

Андрей стоял и держал бумагу так, будто это была не угроза, а накладная, которую ему снова подсовывают подписать. Только теперь подписью должна была стать его тишина.

Он скомкал листок в кулаке, не потому что хотел уничтожить, а потому что иначе руки могли дрогнуть.

И в этот момент он почувствовал взгляд. Не увидел. Именно почувствовал, как чувствуют жар от печи, даже если не смотрят на неё.

Он медленно поднял голову и посмотрел на тёмные окна соседнего дома напротив. На секунду ему показалось, что за шторой кто-то стоит. Тень. Плечо. Или просто игра света.

Андрей не моргнул.

Потом развернулся и пошёл обратно в дом, уже зная главное: они пришли не к лесопилке. Они пришли к нему.

В доме было тепло, но это тепло вдруг стало чужим. Андрей вошёл и закрыл дверь на щеколду так тихо, будто боялся, что щёлкнет слишком громко и станет сигналом.

Елена стояла в коридоре, Лиза выглядывала из кухни, не решаясь подойти ближе.

«Что там?» спросила Елена.

Андрей разжал кулак. Бумага была смята в комок, но слова ещё читались. Он хотел соврать. Хотел сказать: “реклама”, “какая-то ерунда”. Но Елена смотрела на него так, что ложь здесь выглядела бы не защитой, а предательством.

Он протянул ей записку.

Елена развернула. Прочитала. И в первый момент даже не изменилась в лице, будто мозг отказался принять смысл. Потом губы у неё дрогнули.

«Это... это от кого?» выдохнула она.

«Не знаю,» сказал Андрей. «Но это не шутка.»

Лиза сделала шаг вперёд.

«Можно?» спросила она тихо.

Елена не дала. Спрятала записку обратно в ладонь, будто её нельзя показывать ребёнку даже глазами.

«Лиза, в комнату,» сказала она резко.

«Мам...»

«В комнату!» повторила Елена так, что Лиза, не споря, развернулась и ушла.

Андрей проводил дочь взглядом. Дверь в её комнату закрылась мягко, но этот звук прозвучал как окончательное решение: теперь они втроём не просто семья, теперь они уязвимая точка.

Елена посмотрела на Андрея.

«Ты мне сейчас скажешь всё,» сказала она. «Без “вечером”. Без “потом”. Потому что “потом” уже под дворником, Андрей.»

Он кивнул и прошёл на кухню. Сел не на своё место у окна, а ближе к двери, так, чтобы видеть коридор. Это было бессознательно, но Елена заметила.

«Ты уже дома как на работе,» сказала она. «Сидишь так, чтобы контролировать.»

Андрей сжал пальцы, потом разжал.

«На складе был пожар,» начал он. «Мелкий. Но по бумагам хотят списать большие объёмы. Ночью были машины. Не по графику. Камеры не работали именно там, где надо. И...» Он запнулся на секунду. «И у них есть документ. Накладная. С номером 777. Она “контрольная”. Это не просто бумага, это... ключ.»

Елена смотрела на него, не перебивая. Только дышала чаще.

«И ты думаешь, что всё это связано?» спросила она.

«Я не думаю. Я уже вижу,» ответил Андрей. «И Зарубин знает про нас больше, чем должен. Он сегодня упомянул Лизу. Что она не пошла в школу.»

Елена побледнела сильнее, чем от записки.

«Он это сказал тебе в лицо?»

Андрей кивнул.

Елена встала, прошлась по кухне, будто искала место, где можно стоять так, чтобы не провалиться.

«Значит, нас правда смотрят,» сказала она. «Не в смысле “кажется”. А реально.» Андрей молчал. Он не хотел подтверждать, но молчание и было подтверждением. Елена резко повернулась к нему.

«И что ты собираешься делать?»

Вот здесь было самое сложное. Андрей мог сказать: “я разберусь”. Но это уже не работало. Эта фраза разрушала их последние остатки нормальной жизни.

«Я хочу понять схему до конца и передать куда надо,» сказал он. «Не шуметь, не геройствовать, а собрать факты. Иначе меня просто сожрут. И всё останется как есть.»

Елена усмехнулась, но без смеха.

«Куда надо — это куда? В администрацию? К мэру, который сидит у них в кармане?»

Андрей устало провёл рукой по столу, как будто стирал невидимую пыль.

«Есть следователь в городе. Новикова. Она местная. Уехала, вернулась. Я знаю её по отцу.»

Елена остановилась.

«И ты ей доверяешь?»

«Я не знаю, можно ли здесь вообще кому-то доверять,» сказал Андрей. «Но я знаю одно: если я буду молчать, они будут делать это дальше. А если я дернусь резко — ударят по вам. Поэтому мне нужно время. Тишина. И чтобы вы...» Он запнулся и произнёс с трудом: «Чтобы вы слушали меня в мелочах. Хотя бы сейчас.»

Елена подошла ближе и положила ладонь на стол, рядом с его рукой. Она не взяла его руку, не погладила. Просто положила ладонь так, будто ставила границу.

«Ты хочешь, чтобы я жила по твоим правилам, потому что ты решил воевать?» спросила она тихо.

Андрей поднял глаза.

«Я не решил воевать,» сказал он. «Я решил не подписывать ложь.»

Елена на секунду закрыла глаза.

«А разницы нет,» сказала она. «В их голове это одно и то же.»

Они замолчали. Из комнаты Лизы доносился еле слышный звук — не музыка, не видео, а просто шорох. Ребёнок делал вид, что занят, чтобы не слушать взрослых. Но Андрей знал: она слушает.

Елена вздрогнула от какого-то звука в коридоре. Не шаги. Скорее, лёгкое касание, будто кто-то снаружи задел калитку или ветер толкнул жестянку на заборе. Но в такие минуты даже ветер кажется человеком.

Она подошла к окну и отдернула занавеску на пару сантиметров, ровно настолько, чтобы посмотреть и не быть заметной.

Андрей поднялся сразу, без слов. Он не любил, когда Елена смотрела в окно в такие моменты. Не потому, что считал её слабой. Потому что знал: страх всегда выбирает того, кто первым увидит.

«Никого,» сказала Елена, но голос у неё был не уверенный. «Может, кошка. Может, ветер.»

Андрей подошёл, встал сбоку, чтобы не отражаться в стекле, и тоже посмотрел. Двор был пустой. Снег блестел под фонарём. Тени от деревьев лежали криво, как трещины.

И всё же Андрей чувствовал то же, что и у машины: присутствие. Не факт. Ощущение. Как будто кто-то уже записал их дом в список объектов.

Елена отвернулась от окна и резко сказала:

«Мы уедем.»

Андрей моргнул.

«Куда?»

«Куда угодно. В райцентр. К моей тётке. В город. Мне всё равно. Я не собираюсь ждать, пока это станет...» Она не договорила. Слова у неё закончились на полпути, потому что дальше были такие слова, которые обычно произносят только в новостях.

«Лен,» Андрей попытался говорить мягко. «Это сейчас эмоции. Ты напугана.»

Елена усмехнулась коротко, почти зло.

«Конечно, я напугана. Я нормальная. А ты опять пытаешься сделать вид, что всё решается правильным тоном и планом.»

Она подошла к нему ближе.

«Скажи честно: ты можешь гарантировать, что завтра у Лизы будет просто школа, просто уроки, просто дорога домой?»

Андрей хотел сказать “да”. Хотел, как всегда, поставить слово между бедой и домом. Но он не мог.

Елена увидела это без слов. Её лицо как будто застыло на секунду, а потом стало жёстче.

«Вот,» сказала она тихо. «Вот и всё. Ты не можешь. А я должна жить так, будто могу.»

В этот момент в комнате Лизы открылась дверь. Лиза вышла медленно, не глядя на них прямо. В руках у неё был фотоаппарат. Она держала его так, будто это что-то, что нужно защитить.

«Я всё слышу,» сказала она.

Елена шагнула к ней.

«Лиза, я же сказала...»

«Не надо со мной как с маленькой,» перебила Лиза, и в голосе вдруг появилась та самая упрямая нотка, которую Андрей узнавал в себе. «Если за нами следят, значит, это не “папины дела”. Это наши.»

Андрей смотрел на дочь и чувствовал одновременно гордость и ужас. Гордость — потому что она не пряталась. Ужас — потому что храбрость в Тайгорске иногда стоила слишком дорого.

«Лиза,» сказал он тихо, «самое важное сейчас — чтобы ты была живой. Не правой. Не смелой. Живой.»

Лиза сглотнула, но не отвела взгляд.

«А ты?» спросила она. «Ты тоже хочешь быть просто живым? Или ты хочешь быть правым?»

Вопрос был детский по форме и взрослый по смыслу. Андрей не нашёл сразу ответа.

Елена вдруг устало опустилась на стул, словно у неё кончились силы держать стену.

«Я не хочу больше так жить,» сказала она. «Я не хочу, чтобы наш дом был как цех. Чтобы всё время шумело, гудело, давило. Андрей, я тебя люблю, но я не готова быть в твоей войне.»

Андрей медленно сел напротив. Он понял, что сейчас нельзя спорить. Любое “я обязан” прозвучит как приговор их семье.

«Это не война,» сказал он. «Это... грязь. Которая лезет везде.»

Елена подняла глаза.

«И ты думаешь, ты её остановишь?» спросила она. «Один? В городе, где мэр у них, охрана у них, документы у них?»

Андрей молчал. Потом сказал то, что сам боялся признать:

«Я думаю, если я отступлю, меня заставят подписать не только акт. Меня заставят подписать всё. И тогда это будет уже не про лес. Это будет про людей. Про Витька. Про Пахомыча. Про Сергея на проходной. Про всех.»

Елена резко сказала:

«А мы кто? Мы не люди?»

Андрей посмотрел на неё так, будто получил удар не по гордости, а по самому важному.

«Вы — главное,» сказал он. «Поэтому я и пытаюсь сделать так, чтобы вас не трогали.»

Елена покачала головой.

«Они уже трогают,» сказала она. «Запиской. Следами. Намёками. Ты это понимаешь или нет?»

Тишина снова повисла между ними. Лиза стояла рядом со столом и не уходила, как будто боялась, что, если уйдёт, решение примут без неё.

Андрей наконец выдохнул:

«Ладно. Так. Сегодня ночью — никто никуда. Двери закрыты. Телефоны на звук. Лиза завтра в школу не идёт. Я сам решу, как её устроить. Елена, если нужно — завтра уходим.

Елена, если нужно — завтра съездишь к тётке. Но сегодня мы не дергаемся. Сегодня просто переживаем ночь. Поняла?

Елена смотрела на него так, будто он предложил не план, а отсрочку приговора.

«Я поняла одно,» сказала она. «Ты уже решил. И теперь нам надо подстроиться под твоё решение, чтобы выжить.»

Андрей хотел возразить, но слова не шли. Потому что в её формулировке было слишком много правды.

Лиза тихо спросила:

«Пап, а ты кому-нибудь скажешь? Ну... официально?»

Андрей перевёл взгляд на дочь. Ему было легче говорить с ней, чем с Еленой: дети задают вопросы напрямую, без подтекста, и на них нельзя отвечать пустыми фразами.

«Скажу,» ответил он. «Но сначала я должен понять, что именно происходит. И кто именно...»

Он не договорил, потому что Елена резко поднялась.

«Хватит,» сказала она. «Не при Лизе. Мне не надо подробностей, как вы там что будете “понимать”. Мне надо, чтобы завтра она была жива. И чтобы ты был жив. Всё.»

Она подошла к дочери, взяла её за плечи и на секунду прижала к себе сильнее, чем обычно.

«И фотоаппарат убери,» добавила она уже мягче. «Пожалуйста. Не сейчас.»

Лиза хотела возразить, но встретилась взглядом с отцом и проглотила слова. Она молча ушла в комнату и закрыла дверь.

На кухне осталось только двое взрослых и смятая записка, лежащая на столе как чужая вещь, которую нельзя выбросить, потому что она уже стала частью их жизни.

Андрей взял записку, расправил, посмотрел на слова ещё раз. Печатные буквы были ровные, без эмоций. Именно это и пугало: человек, который писал, не был зол. Он был деловым.

Елена наблюдала за ним.

«Ты не выбросишь?» спросила она.

«Нет,» сказал Андрей. «Это доказательство.»

«Для кого?» Она почти не повышала голос, но в нём снова звучала усталость. «Для следователя? Для суда? Для того, кто скажет: “ну, бумажка, и что”?»

Андрей сложил записку и убрал в карман, ближе к телу, как будто так мог удержать ситуацию.

«Для себя,» сказал он честно. «Чтобы не делать вид, что мне показалось.»

Елена села напротив и долго молчала. Потом сказала:

«Если ты завтра снова пойдёшь на лесопилку так, будто это обычный день... ты понимаешь, что они будут ждать?»

«Понимаю.»

«И всё равно пойдёшь.»

Андрей кивнул.

Елена смотрела на него, и Андрей вдруг ясно увидел: её злость не против него. Её злость против того, что она не может защитить семью, кроме как одним способом — уехать. А он, как назло, выбирает остаться.

«Ты всё время спасал людей,» сказала она тихо. «И я раньше этим гордилась. А теперь мне страшно. Потому что ты, когда спасаешь людей, не слышишь тех, кто рядом.»

Андрей открыл рот, но не нашёл нужных слов.

Елена продолжила, уже чуть тише, почти без воздуха:

«Ты всё время спасаешь всех. Кроме нас.»

Эта фраза легла на кухню тяжело, как мокрый снег на крышу. Андрей почувствовал, как внутри что-то упрямое хочет подняться, оправдаться, объяснить. Но он остановил себя. Любое объяснение сейчас звучало бы как “я прав”. А ей нужно было другое.

«Я слышу тебя,» сказал он наконец. «Правда. Я... не умею иначе. Но я постараюсь. Только сейчас... сейчас мне нужно, чтобы ты была со мной заодно. Хотя бы сегодня.»

Елена смотрела на него долго, будто решала, верит ли.

Потом встала и молча начала убирать со стола, хотя стол был почти пустой. Это было её способом справляться: если не получается контролировать жизнь, можно хотя бы контролировать кухню.

Андрей поднялся и пошёл в коридор. Он проверил щеколду, посмотрел в глазок. Снаружи ничего. Тёмный двор, снег, фонарь.

Он вернулся в кухню, но не сел. Стоял, прислушиваясь.

«Ты чего?» спросила Елена.

«Слушаю,» ответил Андрей.

«Слушаешь кого?»

Андрей не сказал “их”. Он сказал проще:

«Город.»

Потому что Тайгорск действительно имел свой звук. Днём — гул лесопилки. Вечером — редкие машины. Ночью — дальняя тишина, в которой слышно, как где-то скрипит дерево или лает собака. И если в этой тишине появлялось что-то чужое, город это выдавал.

Прошло минут десять. Елена ушла в комнату Лизы, Андрей остался на кухне один. Он включил чайник, но не потому что хотел чай. Просто чтобы был обычный звук, привычный, домашний.

Телефон лежал рядом. Он смотрел на него и думал о Новиковой. Ольга. Местная. Вернулась после смерти отца. Андрей знал её когда-то девчонкой, упрямой, с прямыми глазами. Такие не всегда выигрывают. Но такие хотя бы не притворяются.

Он почти решился написать ей коротко: “Надо поговорить.” Но остановился. Не потому что испугался. А потому что чувствовал: сейчас любое движение — как щелчок замка в темноте.

Чайник вскипел. Андрей налил воды в кружку, но не пил.

И тут где-то во дворе снова раздался тихий стук. Уже не случайный. Два раза. Как будто кто-то проверил калитку и отпустил.

Андрей подошёл к окну, не включая свет в комнате, и осторожно отодвинул занавеску.

Двор был пуст. Но у края света от фонаря, там, где начиналась темнота, на секунду мелькнула фигура. Не лицо. Не одежда. Просто человеческий силуэт, который то ли сделал шаг назад, то ли просто растворился в тени.

Андрей застыл, глядя туда.

В стекле отразилось его собственное лицо: уставшее, чужое, с напряжёнными глазами. И на миг ему показалось, что отражение смотрит не туда же, куда он.

Он медленно отпустил занавеску, вернулся к столу и сел. Руки у него не дрожали. Но внутри было ощущение, что что-то окончательно началось.

Из комнаты Лизы донёлся тихий звук — скрип кровати. Значит, она не спит. Значит, она тоже слушает “город”.

Андрей посмотрел на тёмное окно ещё раз и подумал: завтра утром гул лесопилки снова разбудит Тайгорск. И для всех это будет обычное утро.

Кроме него.

Ночь тянулась медленно, как сырая доска через подающий ролик. Андрей пытался лечь, но сон не шёл. Он лежал рядом с Еленой и слышал, как она дышит — слишком ровно для сна. Значит, тоже не спит. Они молчали, потому что слова могли либо разорвать тишину, либо признать вслух то, что пока ещё держалось на “может быть”.

Под утро Андрей всё-таки провалился в короткий, тяжёлый сон. Проснулся от привычного гула, который начинался где-то далеко, на стороне лесопилки, и катился по городу, цепляя крыши. Этот звук всегда был для Тайгорска как доказательство жизни: пока гудит, значит, платят. Пока платят, значит, не всё пропало.

Андрей встал, умылся холодной водой. Посмотрел на себя в зеркало. Лицо было серым, как небо перед снегом. Он оделся, стараясь делать всё так же, как вчера и позавчера, и сто дней до этого. Привычка была бронёй.

На кухне Елена налила чай и поставила перед ним молча.

“Лиза остаётся дома,” сказала она, не глядя. Это было не обсуждение. Это был факт.

Андрей кивнул.

“Я заеду к обеду,” сказал он. “И... ты если что, звони сразу. По любому.”

Елена наконец подняла глаза.

“По любому?” переспросила она. “Ты понимаешь, что теперь ‘любой’ — это всегда?”

Андрей не ответил. Потому что да, он понимал.

Лиза вышла из комнаты, сонная, с таким видом, будто ночь тоже прошла через неё. Она посмотрела на отца долго.

“Ты сегодня вернёшься?” спросила она тихо.

“Вернусь,” сказал Андрей. И добавил, чтобы было не обещание, а ориентир: “После смены.”

Лиза кивнула, но по её лицу было видно: “после смены” теперь звучит как “если получится”.

На улице было светло, морозно и слишком спокойно. Андрей вышел во двор и первым делом посмотрел на следы у калитки. Ночью их присыпало тонким слоем снега, но они всё равно читались: кто-то приходил. И кто-то хотел, чтобы он это увидел.

Он сел в машину и поехал на лесопилку, стараясь не смотреть на окна соседей, не искать глазами “наблюдателя”. Потому что если начнёшь искать, ты уже признаёшь, что тебя ведут.

У ворот “Тайга-Лес” охранник снова кивнул, но теперь кивок был ещё короче, будто лишнее движение могло быть истолковано как знакомство.

На территории Андрей почувствовал, что воздух плотнее обычного. Люди были на местах, станки работали, но разговоры затихали, как только он проходил мимо. Это не было страхом перед начальником. Это был страх рядом с начальником.

Он увидел Витьку у цеха. Тот подошёл сам, не улыбаясь.

“Андреич,” сказал он тихо. “Ночью ещё одна машина уходила. Не наша. Серёга видел. Сказал мне вполголоса, потом замолчал как рыба.”

“Где Сергей?” спросил Андрей.

Витёк кивнул в сторону проходной.

“На посту. Но ты к нему аккуратней. Он вчера... как будто его кто-то отдельно попросил молчать.”

Андрей молча пошёл к проходной. Сергей стоял у будки, глядя в журнал, но по факту смотрел в пустоту. Увидев Андрея, он выпрямился так быстро, что стало ясно: ждал.

“Сергей,” сказал Андрей спокойно. “Мне надо понять по ночным выездам. Не по слухам. По факту.”

Сергей сглотнул.

“Я вам уже говорил... я никого не видел,” сказал он, и это прозвучало заученно.

“Не про людей,” сказал Андрей. “Про машины. Время. Куда уходили.”

Сергей посмотрел в сторону, будто там кто-то мог стоять.

“Нельзя,” выдавил он.

“Кто сказал?” Андрей держал голос ровным, без нажима.

Сергей молчал секунду, потом почти не слышно сказал:

“Мне сказали, что у меня жена в поликлинику ходит. Что там тоже... люди бывают. И что я должен... просто смотреть в свою сторону.”

У Андрея внутри поднималась злость, но он заставил себя не показать её Сергею. Потому что злость — это роскошь сильного, а Сергей сейчас сильным не был.

“Ладно,” сказал Андрей. “Я понял.”

Он повернулся и пошёл к административному корпусу. Не к Зарубину. К его кабинету в производственном отделе, где у него был доступ к части документов. Ему надо было не спорить и не давить. Ему нужно было добывать.

В коридоре он столкнулся с Климовым. Тот как будто специально вышел навстречу.

“Доброе,” сказал Климов, улыбаясь слишком ровно. “Как ночь прошла? Спали?”

Андрей посмотрел на него и впервые не стал отвечать вежливо.

“Климов,” сказал он тихо. “Если ты передаёшь кому-то, куда я хожу и что ищу, ты хотя бы понимай: ты не ‘работаешь’. Ты в чужой грязи по колено.”

У Климова улыбка на секунду зависла, потом вернулась, но уже с холодком.

“Вы нервничаете,” сказал он. “Это понятно. Только нервы тут никому не помогают.”

“Мне не нужны советы,” ответил Андрей и прошёл мимо.

В своём кабинете он открыл папку с текущими отгрузками. На первый взгляд всё было как всегда: номера, даты, подписи. Но Андрей уже видел иначе. Любая ровная цифра могла быть маской.

Он проверил последние отгрузки по складу номер три и увидел расхождение, которое в обычный день списали бы на “ошибку кладовщика”. На бумаге объём уходил больше, чем по факту оставалось на площадке. И эта “ошибка” повторялась с одинаковым шагом, будто её делал не человек, а схема.

Андрей понял: ему нужно то, что они прячут ближе всего к себе. Не в архиве, не в бухгалтерии — у Зарубина.

Он не мог просто зайти в кабинет и начать рыться. Но он мог дожждаться момента, когда Зарубин уйдёт на совещание или в город, а секретарь отвлечётся. На лесопилке моменты решает не смелость, а терпение.

К полудню Зарубин действительно уехал. Андрей увидел, как его машина выехала с территории, и понял: вот окно.

Он поднялся на этаж офиса, прошёл мимо секретаря, не останавливаясь.

“Андрей Викторович?” окликнула она нервно. “Вы к нему?”

“Он просил бумаги по пожару,” сказал Андрей и не стал уточнять какие. Слова “пожар” и “бумаги” здесь работали как пропуск.

Секретарь замаялась, потом отвела взгляд.

“Он... он не здесь,” сказала она.

“Я знаю,” спокойно ответил Андрей. “Я оставлю на столе.”

Он вошёл в кабинет и закрыл дверь за собой.

Тепло ударило в лицо. Пахло кофе и чужими деньгами. Андрей подошёл к столу, положил туда пустую папку — просто чтобы действие выглядело логично, если кто-то увидит. Потом

перевёл взгляд на корзину для бумаг у стола. Она была почти пустая, как будто здесь никогда не ошибаются и ничего не выбрасывают.

И всё же на самом верху лежал сложенный лист. Не комком, не рваный. Сложенный аккуратно, как будто выбросили его не из-за ненужности, а из-за того, что он “уже отработал”.

Андрей наклонился, достал лист и развернул.

Номер в шапке ударил по глазам сразу.

777.

Он прочитал объём и почувствовал, как в груди становится пусто. Это была та же логика, что и в акте списания, только оформленная иначе. Не “пожарные потери”, а “поставка”. Бумага делала одно и то же исчезновение легальным с двух сторон.

Андрей вынул телефон и, не думая больше, быстро сфотографировал лист. Один раз. Потом второй, крупнее — подписи и печати. Он не задерживался. Он только фиксировал.

И тут в коридоре раздались шаги.

Андрей замер на долю секунды, сложил лист обратно точно так, как он лежал, и опустил в корзину. Телефон убрал в карман. Встал ровно, как человек, который просто оставил папку на столе.

Дверная ручка дёрнулась.

Андрей успел сделать один вдох и подумать только одно: теперь у него есть то, что нельзя держать при себе слишком долго. Потому что “Накладная №777” — это не улика. Это повод.

Дверная ручка дёрнулась ещё раз, сильнее. Андрей не пошевелился. Он стоял у стола так, будто сейчас действительно “оставляет бумаги”, и даже взгляд держал не на двери, а на папке, как человек, который мысленно проверяет, всё ли вложил.

Дверь приоткрылась.

В проёме показалась секретарь. Лицо у неё было напряжённое, как у человека, который вошёл не по своему желанию. За её плечом, чуть в стороне, маячил Климов.

«Андрей Викторович...» начала секретарь и запнулась. Глаза скользнули по кабинету слишком быстро: стол, корзина, окно, Андрей. Как будто она искала не человека, а факт.

«Я оставил папку, как просили,» сказал Андрей спокойно. Он кивнул на стол. «Если Зарубин вернётся раньше — пусть посмотрит.»

Секретарь сглотнула.

«Он... он не просил, чтобы вы...» Она снова запнулась и перевела взгляд на Климова, будто тот держал у неё на шее невидимую нить.

Климов вошёл чуть увереннее, сделал два шага и остановился так, чтобы видеть и Андрея, и корзину для бумаг. Он улыбнулся, но улыбка была уже не “деловая”.

«Андрей Викторович, вы же понимаете, кабинет собственника — это...» он не договорил, оставив фразу висеть как намёк.

Андрей посмотрел на него ровно.

«Это место работы,» сказал он. «И если мне нужны документы по пожару, я их беру там, где они должны лежать.»

Климов слегка прищурился.

«А по пожару у вас чего так много интереса?» спросил он.

Андрей выдержал паузу. В таких разговорах пауза важнее слов. Она показывает, кто торопится оправдаться.

«Потому что на бумаге хотят списать больше, чем горело,» сказал Андрей. «И мне потом отвечать перед людьми, почему у нас “потери”, а зарплаты те же.»

Климов усмехнулся, но в глазах у него мелькнуло раздражение.

«Вы очень заботливый,» сказал он. «Только забота бывает разной. Бывает полезной. А бывает... лишней.»

Секретарь стояла молча, пальцы у неё сжимали край блокнота так, что побелели.

Андрей взял свою пустую папку со стола, как будто действительно только ради неё и заходил.

«Если у Зарубина будут вопросы — я отвечу,» сказал он. «Но отвечать буду по факту.»

Он прошёл мимо Климова спокойно, не задевая его плечом, не ускоряясь. Только в дверях на секунду задержался и посмотрел на секретаря.

«И вам совет,» сказал он тихо, без угрозы. «Не становитесь свидетелем. Свидетелей здесь не любят.»

Секретарь едва заметно вздрогнула и опустила глаза.

В коридоре Андрей пошёл обычным шагом, но внутри всё было собрано, как перед аварийной остановкой станка. Телефон с фотографиями жёг карман, как уголь. Он понимал простое: если сейчас его остановят и попросят “показать телефон”, он окажется не просто упрямым начальником цеха. Он окажется человеком, который полез туда, куда не надо.

На лестнице он услышал, как за спиной открылась дверь кабинета и Климов сказал вполголоса, но достаточно громко, чтобы долетело:

«Проверяйте камеры. И... его тоже. На всякий случай.»

Андрей не обернулся. Оборачиваются, когда хотят показать страх или агрессию. Он не хотел показывать ни то, ни другое.

На улице он остановился на секунду, вдохнул морозный воздух и пошёл к цехам, будто у него самый обычный день. Витёк ждал у площадки, где грузчики таскали обрешётку, и, увидев Андрея, сразу пошёл навстречу.

«Ну?» спросил он тихо.

Андрей не ответил сразу. Он оглянулся, убедился, что рядом нет охраны, и только тогда сказал:

«Нашёл. Бумага есть.»

Витёк поморщился.

«Какая бумага?»

Андрей посмотрел ему в глаза.

«Та, которая делает исчезнувшие кубы законными. Накладная. С номером 777.»

Витёк будто не сразу понял, потом выдохнул резко, как человек, которому ударили в живот.

«Семёрки?» переспросил он. «Это они... так помечают?»

«Похоже на то,» сказал Андрей. «И цифры там не “ошибка”. Там тридцать процентов сверху.»

Витёк молчал секунду, потом сказал то, что Андрей меньше всего хотел слышать:

«Андреич... они теперь тебя не отпустят. Понимаешь? Ты уже увидел.»

Андрей кивнул.

«Понимаю. Поэтому молчи. И не лезь.»

Витёк хмыкнул горько.

«Поздно говорить “не лезь”, когда ты уже залез.»

Андрей хотел ответить резко, но сдержался.

«Я залез не ради любопытства,» сказал он. «Я залез, потому что это предприятие держит город. А они его режут на куски. Тихо.»

Витёк опустил взгляд, пнул носком ботинка снег.

«Слушай...» он заговорил ещё тише. «Тут люди говорят, что “Седой” в городе. В “Берёзе” вроде видели. Не знаю, правда или нет, но разговоры пошли.»

Андрей почувствовал, как внутри всё становится тяжелее. “Седой” был не просто фамилией из слухов. Это был уровень, на котором угрозы перестают быть словами.

«Кто сказал?» спросил он.

«Да кто...» Витёк махнул рукой. «Таксист. Потом охрана у ворот шепталась. И Климов сегодня ходит как хозяин, будто ему уже всё можно.»

Андрей кивнул.

«Если “Седой” реально здесь, это значит одно,» сказал он. «Схема не просто бухгалтерская. Это уже крыша. И тогда мне нельзя ошибиться ни разу.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.